

9. Finnemore, M. International Norm Dynamics and Political Change / M. Finnemore, K. Sikkink // International Organization. – 1998. – October. – P. 887–918.
10. Linklater, A. Beyond Realism and Marxism: Critical Theory and International Relations / A. Linklater. – L. : MacMillan Press, 1990. – 216 p.
11. Slaughter, A. M. International Law in a World of Liberal States [Electronic resource] / A. M. Slaughter // European Journal of International Law. – 1995. – Vol. 6, № 1. – P. 503–538. – Mode of access: <http://ejil.org/pdfs/6/1/1310.pdf>. – Date of access: 28.03.2019.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ПРОЦЕССЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Синдеев (Москва)

История не имеет законов, но характеризуется закономерностями, поддержание которых обуславливается выработанными ранее подходами, повторяющимися жизненными циклами поколений, предпочтительной трансляцией известного, ограниченным желанием большинства подвергать себя риску испытать радикальные изменения. Закономерности реализуются в процессах, создающих разные уровни и разные системы. Одной из таких систем должна была бы стать система европейской безопасности, но три взаимосвязанных процесса (установление баланса, разделение и вытеснение нежелательных акторов) не позволили ей сформироваться.

Несмотря на то, что политики готовы заявлять о возможности длительное время обеспечивать некий баланс, в реальности достигнуть этого чрезвычайно затруднительно, если речь идет об истинном равноправии и о максимально приемлемом учете национальных интересов. Временное установление баланса, как правило, быстро сменяется стремлением разделить, или упростить сложившуюся систему, вытеснить конкурентов, отказаться от ответственности за большие пространства, использовать образ врага и угрозы [3]. 4 января 1909 г. министр-резидент Российской империи в Карлсруэ В. Эйхлер писал министру иностранных дел А. П. Извольскому о дихотомии подобной политики в тогдашней Германской империи: «Малейший упадок обаяния чреват грозными для народного богатства последствиями. Вред политики, основанной на угрозах, не раз, конечно, мелькал в сознании народа, но вера в превосходство своей военной мощи всегда усыпляла опасения» [1].

Процесс разделения предполагает появление и закрепление в общественном сознании антагонистичных идей и веры в несогласующиеся интересы. Кстати, именно с этим, на мой взгляд, и связан известный историографический спор о дате начала холодной войны, в котором подчас забывалось, что неприятие большевистской России не означало одновременного неприятия России вообще. Поэтому эмигрантские круги, репрезентовавшие иную Россию, некоторое время получали помощь. Когда же в «объективной» несовместимости идей не возникает сомнений, запускаются меха-

низмы вытеснения, благодаря чему единственной целью участников становится победа над реальным или мнимым противником. Вытеснение провоцирует интеграцию близких друг другу стран, которая, хотя и остается вторичным процессом, со временем способна приобрести для ее участников особую ценность и значимость. Проблема, однако, заключена в том, что интеграция, будучи априори средством вытеснения, не меняет логику протекания системообразующих процессов.

Вопрос о хронометраже самостоятельного или параллельного существования разделения и вытеснения в данном контексте не играет особой роли. Более важно то, что эти процессы трудно остановить, а также то, что балансом в историографии международных отношений принято называть статус-кво, полученный в результате разделения и вытеснения. С одной стороны, это подтверждает верность вывода о непродолжительности любого рода балансов с равноправным участием, с другой – приходится констатировать, что в Европе XX – начале XXI в. отсутствует традиция успешного развития в рамках реальных балансов между крупными, средними и малыми странами.

Процессы разделения и вытеснения всегда имеют бóльшую силу, существенно препятствуя решению главных задач. В этой связи любопытна ситуация, сложившаяся в Европе после смерти Сталина. Советская дипломатия хотела поставить на повестку дня приоритетное обсуждение «вопрос[а] о сокращении вооружений и о прекращении гонки вооружений» [2, л. 30], но у западных союзников отсутствовало желание искать любой компромисс.

25 января 1954 г. на Берлинском совещании министров иностранных дел союзных держав [см. подробнее: 4] Ж. Бидо убеждал В. М. Молотова в том, что сначала нужно приняться за германский и австрийский вопросы, а применительно к первому «...имеется только две формы решения...: 1) принудительный бессрочный контроль над Германией (в соответствии с Потсдамскими решениями) или 2) включение Германии в оборонительное сообщество, чтобы Германия не могла противопоставлять Восток Западу и, наоборот. Высказываясь за вторую форму решения... Бидо заявил, что, по его мнению, “судьба демократии в Германии зависит от объединения Германии с Западом”» [2, л. 6–7]. А. Иден же относительно «необходимости обеспечения безопасности европейских стран, в том числе и Советского Союза... сослался на то, что требованию безопасности как Советского Союза, так и Англии отвечает их членство в ООН» [2, л. 8].

26 января 1954 г. Д.-Ф. Даллес в свою очередь высказывал удивление, что «...Советский Союз, критикуя планы создания “европейского оборонительного сообщества” не предложил какой-либо альтернативы и требует возврата к обанкротившемуся Версальскому договору. Даллес распространялся также на тему о том, – сообщал в шифротелеграмме в Москву

В. М. Молотов, – что Ялтинское и Потсдамское соглашения изжили себя...» [2, л. 14].

28 января 1954 г. «Даллес, – писал В. М. Молотов, – демагогически утверждал, будто бы советская делегация предлагает передать совещанию пяти все важнейшие функции Объединенных Наций и “заменить эту организацию Советом пяти великих держав”» [2, л. 36].

Даже самый простой анализ приведенных выше цитат позволяет констатировать, что США, Франция и Великобритания в условиях формирования западного лагеря, запущенного процесса вытеснения СССР и стран социализма предпочли привычные рассуждения о демократии и настаивали на широких форматах, в которых добиться общего знаменателя было практически невозможно, но допускалось переложение ответственности на других.

Наряду с признанием того, что без согласованных действий ведущих игроков баланс невозможен, следует обратить внимание на роль средних и малых стран Европы, для которых их самостоятельность всегда была существенно выше, когда активно работали процессы разделения и вытеснения. Причем это одинаково касалось стран социалистического и капиталистического лагеря.

В преддверии подготовки европейской конференции по безопасности интересна, к примеру, позиция финской стороны. 25 марта 1970 г. финский посол по особым поручениям уверял швейцарских представителей, что «[р]ечь, в принципе, идет не о конференции по безопасности, а о конференции о безопасности...» [7]. Это означало лишь готовность приступить к обсуждению некоторых вопросов «на пути к лучшей безопасности в Европе». Выдвигать собственные предложения Финляндия не собиралась. Швейцарцы соглашались с финскими коллегами. Получалось, что тогдашний уровень конфронтации вполне устраивал средние нейтральные государства.

В ситуации экономической конкуренции систем СССР был неизменно больше заинтересован в нормализации отношений с Западом, о чем свидетельствует призыв заместителя министра иностранных дел В. М. Виноградова к большей активности именно малых и средних стран: «Крупные государства не могут решить все проблемы» [8]. Тем более мотивы Советского Союза, отмечал он, постоянно искажают.

Получается, что Европа никогда не знала единой системы безопасности. В лучшем случае, если рассматривать период с конца 1940-х гг., существовали две отдельные системы. Из этого следует, что страны Европы не имеют опыта совместного (раз)решения значимых и сложных вопросов в сфере безопасности. По сути, их опыт ограничивается преодолением текущих сложностей и несовершенными компромиссами. Доказать этот на первый взгляд спорный тезис довольно легко указанием на то, что привычные системообразующие процессы не были приспособлены к чему-то иному. Да и эффективно работающей инфраструктуры так и не появилось.

Создание единой европейской системы безопасности могло бы проходить только в условиях приостановки процессов разделения и вытеснения, переосмысления сделанного ранее, формулирования сути новых балансов, диалога между крупными государствами. Пока ожидать подобного хода событий, к сожалению, не приходится. 22 января 2019 г. госсекретарь США М. Помпео по видео-связи из Вашингтона убеждал собравшихся на экономическом форуме в Давосе: «Нации важны. Ни один международный орган не сможет защищать интересы граждан лучше, чем собственное правительство. Сильные границы – ключ к сильным нациям... Способные к сопротивлению союзы, построенные на принципах, – ключ к нашей совместной безопасности» [9]. Не имеет особого смысла детально разбирать все противоречия, содержащиеся в подобных заявлениях. Достаточно указать на то, что цепочка «ценности – союзы» способна эффективно работать только при известных процессах – разделии и вытеснении, где установка баланса будет использоваться исключительно внутри переформатированных «ценностных лагерей».

На закономерный вопрос «Что делать?», адресованный, в первую очередь, представителям гуманитарных научных специальностей, ответ может состоять в следующем: приняться среди прочего за осмысление системообразующих процессов, высказать рекомендации по развитию или формированию тех или иных систем [см., к примеру, о сетевом суверенитете: 5], а также по (мета)идеям и принципам, которые должны помочь определению политических подходов к созданию системы европейской безопасности [см. другие предложения: 6, с. 364–365]. Если подобная эталонная система не появится в Европе, то опасность военных конфликтов и столкновений в мире существенно возрастет.

1. Архив внешней политики Российской империи. – Ф. 133. Оп. 470. Д. 24. Л. 13 (о).
2. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 059. Оп. 32. П. 3. Д. 15.
3. Космач, В. А. Первая мировая война: итоги, уроки и геополитические последствия / В. А. Космач // Первая мировая война и становление Версальско-Вашингтонской системы международных отношений : материалы международной научно-практической конференции к 100-летию Великой войны 1914–1918 гг., Витебск, 18–20 октября 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: В. А. Космач (гл. ред.) [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2018. – С. 94–99.
4. Новик, Ф. И. В ловушке «холодной войны» (Советская политика в отношении Германии, 1953–1958 гг.) / Ф. И. Новик. – М. : ИРИ РАН, 2014. – 367 с.
5. Синдеев, А. А. Дифференцированное сотрудничество: современные американо-швейцарские отношения / А. А. Синдеев // США – Канада: экономика, политика, культура. – 2019. – № 3. – С. 51–67.
6. Шапиро, И. Бегство от реальности в гуманитарных науках / И. Шапиро. – М.: Изд. дом «ВШЭ», 2011. – 368 с.
7. Besuch des finnischen Sonderbotschafters, Ralph Enckell, in Bern vom 24. bis 25. März 1970 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dodis.ch/34489>. – Date of access: 17.03.2019.

8. Höflichkeitsbesuch Vizeausenministers Winogradow beim Departementschef, am 14. April 1969 [Electronic resource]. – Mode of access: <http://dodis.ch/33604>. – Date of access: 17.03.2019.
9. Remarks to the World Economic Forum [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2019/01/288524.htm>. – Date of access: 18.03.2019.

КРЫМ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ ЗАПАДНОЙ И РУССКОЙ СИСТЕМ

Л. Н. Семёнова (Минск)

В геополитическом раскладе сил на международной арене значительную роль играют малые, но расположенные в стратегически важных местах территории. Они выступают своего рода точками опоры, действуя на которые можно поменять расстановку сил. С точки зрения синергетики, это те крохотные бабочки, легкое прикосновение которых в условиях нестабильности определяет внушительный перевес сил. Несомненно, что полуостров Крым, словно звездой во лбу воссиявший на севере Черного моря и создавший его причудливую изломанную и удобную для мореходства северную береговую линию, именно такая территория.

Американский политолог Зб. Бжезинский верно определил, что основные международные события, влияющие на ход развития всего человечества, разворачиваются на евразийской шахматной доске. С началом библейского проекта главной осью напряжения является противостояние Западной и Русской больших социальных и управленческих систем. На протяжении истории два огромных пространства всегда стремились к системному единству, которое в разные периоды скреплялось разными скрепами и проявлялось в различных политических формах.

В эпоху нового времени с развитием капитализма система Запад скрепляется не только едиными культурными кодами, идеократией католической церкви, но и капиталом, политически оставаясь раздробленной на множество государств, взаимодействие между которыми фиксируется в европоцентристской теории международных отношений в терминах международных систем. Экспансионистская природа капитализма обуславливает формирование иерархической мировой капиталистической системы в виде центра, полупериферии и периферии. Именно центр мировой капиталистической системы признается теорией международных отношений в качестве международной системы. Русская система к новому времени тоже пережила значительные метаморфозы. В библейский проект была включена ее западная часть в лице Древнерусского государства, сразу ставшего объектом пристального интереса Запада. Затем наступило время беспрецедентно огромной Монгольской империи, в которой сформировалась особая